

Лоренцо Да Понте

Мемуары Лоренцо Да Понте

Лоренцо Да Понте

Мемуары Лоренцо Да Понте

«Автор»

1827

Да Понте Л.

Мемуары Лоренцо Да Понте / Л. Да Понте — «Автор», 1827

Лоренцо да Понте (при рождении ему было дано имя Эмануэле Конельяно) родился в городке Ченедо Венецианской республики (сейчас Витторио-Венето) в еврейской семье. Его мать умерла в 1754 году и после её смерти отец повторно женился на итальянке, для чего вместе с детьми принял католическую веру. При крещении Эмануэле принял имя епископа, совершившего обряд, Лоренцо да Понте. С 1769 года учился в духовной семинарии в Портогруаро и в 1773 году принял монашеский сан. В 1774–1776 годах аббат да Понте преподавал литературу и красноречие в семинарии Тревизо. Однако его радикальные взгляды (да Понте был поклонником Руссо) и распутное поведение привели к изгнанию из Тревизо, а затем и из Венеции, где среди его близких знакомых был Казанова. В 1782 году Лоренцо да Понте прибыл в Вену и по ходатайству придворного композитора Антонио Сальери получил место придворного поэта-либреттиста. Здесь да Понте написал три самых известных либретто, положенные на музыку Моцартом: «Свадьба Фигаро», «Дон Жуан» и «Так поступают все». На его счету также либретто к операм Сальери («Талисман», «Богач на день», «Аксур, царь Ормуза», «Пастырь верный», «Цифра»), Йозефа Вайля, Висенте Мартина-и-Солера и других композиторов. В 1790 г. из-за сокращения финансирования да Понте потерял работу и уехал в Триест, где познакомился со своей будущей женой, англичанкой Нэнси Грал. Жил в Праге и Дрездене, Париже и Лондоне. Тринадцать лет проработав с забытыми ныне композиторами, да Понте в 1805 году эмигрировал в Америку. В Америке Лоренцо да Понте перевел несколько английских произведений на итальянский язык, написал мемуары – «Воспоминания Лоренцо Да Понте из Ченеды, им самим написанные» (1823–1827). Он преподавал итальянскую словесность в Колумбийском университете в Нью-Йорке и был первым католическим священником на кафедре Университета. В 1826 он выступил организатором первого исполнения оперы «Дон Жуан» в Америке (Церлину пела Мария Малибран). В 1828 году, в возрасте 79 лет, Лоренцо да Понте получил гражданство Соединенных Штатов. Лоренцо да Понте умер в возрасте

восемидесяти девяти лет в Нью-Йорке и при большом стечении народа был пышно похоронен в Бруклине. Материал из Википедии – Свободной энциклопедии.

© Да Понте Л., 1827

© Автор, 1827

Содержание

I	7
II	10
III	12
IV	14
V	17
VI	19
VII	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Лоренцо Да Понте

Мемуары Лоренцо Да Понте

«В Вене было не более двух маэстро, действительно достойных, по моему мнению, этого имени: Мартини, на тот момент фаворит Иосифа II, и Вольфганг Моцарт, которого я имел случай повстречать в то время у барона де Ветцлар, его друга; Вольфганг Моцарт, хотя и обладавший от природы музыкальным гением, возможно, величайшим из всех композиторов прошлого, настоящего и будущего, не мог еще развернуть во всем блеске свой божественный гений в Вене из-за череды происков своих врагов; он пребывал там во мраке и неизвестности, подобно драгоценному камню, который, спрятавшийся в недрах земли, скрывает там секрет своего блеска. Я не могу без ликования и гордости подумать, что только моя настойчивость и моя энергия стали, по большей части, причиной того, что Европа и весь мир стали свидетелями полного раскрытия волшебных музыкальных композиций этого несравненного гения»

Лоренцо да Понте.

Мемуары Лоренцо Да Понте, венецианского поэта, либреттиста Моцарта, переведенные с итальянского на французский г-ном К. Д. де ла Шаванн, а с французского на русский Л. М. Чачко.

I

Я публикую свои Мемуары. Но поскольку я не пишу историю человека, выдающегося по своему рождению, своим талантам или блеску услуг, оказанных им своей родине, я буду говорить по возможности мало о своей стране, моей семье и моем детстве; я ограничусь фактами, которые, хотя и не будучи замечательными, смогут, по крайней мере, своей странностью и неожиданностью, доставить несколько часов развлечения моим читателям.

Я родился 10 марта 1749 года в Ченедде, маленьком городке, однако пользующемся некоторой известностью в Венецианском государстве. В возрасте пяти лет я потерял свою мать. Отцы, по большей части, мало занимаются первыми годами своих детей, мои ранние годы были полностью заброшены; читать и писать – была вся моя наука в одиннадцать лет. В этом возрасте мой отец удосужился дать мне некоторое образование. К сожалению, он выбрал дурного воспитателя. Это был крестьянский сын; он поменял своих быков и телегу на направляющую ферулу и внес в свои новые обязанности всю неотесанность своего происхождения; он вложил мне в руку грамматику Альваро и возымел претензию обучить меня латыни. Я учился несколько месяцев и абсолютно ничего не усвоил. Несмотря на это отсутствие знаний, все упорно смотрели на меня как на ученого; я был наделен превосходной памятью, редким умом, я обладал легкой речью, быстрой реакцией и при этом неутолимой жадой познания. При этих счастливых качествах, мой отец с удивлением видел, сколь мало я извлекал из уроков своего учителя. Он хотел выяснить причину этого, и ему не стоило больших усилий в ней разобраться. Он зашел однажды в мою учебную комнату и стал наблюдать, стоя позади моего педагога. Тот же, разозленный ошибкой, которую я сделал, повторяя урок, сжал кулак и обрушил его мне в голову с силой, подобной удару кузнеца по наковальне: это было, впрочем, его ежедневное времяпрепровождение. Не могу сказать, обида или боль вызвала у меня невольную слезу; эта слеза не ускользнула от внимания моего отца. Она поразила его в сердце. Приблизиться к педагогу, схватить его за волосы, выволочь его вон из комнаты и спустить с лестницы было делом одного мгновения, обрушив на того все, что попало ему в руку, включая мою грамматику Альваро – первую причину этой сцены. В течение трех лет речь больше не заходила о латыни. Мой отец был уверен, что именно отвращению к моему наставнику следует приписать мой малый прогресс в изучении этого языка, и, может быть, он был прав. Исход этой сцены был для меня фатальным: до четырнадцати лет я оставался полностью отстранен от какой бы то ни было науки и, поскольку весь мир оставался в моей голове в своем естественном состоянии, я краснел, оставаясь менее продвинутым по сравнению с остальными молодыми людьми Ченедды, которые, забавляясь, называли меня умственно отсталым. Не могу описать, насколько сильное смущение я ощущал при этом, и какая жажда знаний меня охватывала. Поднявшись однажды на чердак, где мой отец имел привычку складывать свои старые бумаги, я нашел там несколько книг, которые, полагаю, составляли всю его библиотеку. В этой куче авторов, более или менее известных, я наткнулся вскоре на томик Метастазиио. Я прочел его на одном дыхании, и стихи этого божественного поэта произвели в моей душе эффект самой восхитительной музыки. Десять лет спустя после смерти моей матери отец сочетался вторым браком и дал мне в мачехи молодую девушку, которой не было еще и семнадцати лет; ему было в это время свыше сорока. Поощряемый желанием развить свой ум и предвидя между тем последствия столь диспропорционального брака, я понял, что мне следует изыскивать других ресурсов, которые я не мог больше надеяться найти в отчем доме. В ту пору епископом Ченедды был монсиньор Лоренцо Да Понте; это был человек высокого благочестия, большой толерантности, наделенный самыми редкими христианскими добродетелями; он обладал, кроме того, глубоким влиянием на мое семейство. Я решительно представился ему и попросил поместить меня, как и одного из моих братьев, в семинарию, которой он руководил. Мой поступок понравился этому

уважаемому прелату. Он увидел в нем с нашей стороны живое стремление к получению образования в наилучших условиях. Он согласился с радостью и даже взял на себя, с редкой добротой, оплату всех расходов, достаточно больших, связанных с этим предприятием. Прогресс, который мы обнаружили в нашей учебе, отвечал надеждам нашего благодетеля. Менее чем в два года мы уже писали с элегантностью на ученой латыни, с особенным старанием занимаясь этой дисциплиной, так необходимой ученикам, которым предназначалось принять сан священника. Что же касается современных языков, они рассматривались только как дополнение. Мой отец заблуждался относительно моей склонности и поощрял меня, более в согласии с обстоятельствами, чем в соответствии с отцовским долгом, стремиться к Церкви; таким образом, я воспитывался, чтобы стать священником, хотя был увлекаем, согласно своему вкусу и по природе, к занятиям вполне противоположным, таким, что в восемнадцать лет, способный сочинить за полдня проповедь или более пятидесяти стихов элегантной латынью, я был не в состоянии написать письмо в несколько строк на своем родном языке. Первый, кто был поражен этой ошибкой образования и вызвался ее исправить, был аббат Кальяри, молодой священник, наделенный горячим и поэтическим воображением, недавно вышедший из коллежа в Падуе, где чтение Данте и Петрарки было столь же распространено, как и Горация и Вергилия; он начал, прежде всего, читать, объяснять, а затем и прививать вкус большому числу учеников, составлявших его класс, к прозе, а также стихам наших национальных поэтов. Среди молодых людей, наиболее прилежно воспринимавших его уроки, особенно отличались Джироламо Перучини и Микеле Коломбо. Я обязан влиянию, которое они оказывали на меня, более, чем другой причине, быстротой моих успехов в поэзии. Полагаю, я здесь должен привести факт, который, при всей кажущейся несерьезности, дает представление о том влиянии, что может оказать на юное воображение добрый совет или опасение неодобрения. Коломбо учился хорошо; он писал итальянские стихи, полные очарования и грации. Он доставлял себе удовольствие читать мне их время от времени, чтобы побудить меня делать попытки к поэтическому творчеству. Я рискнул заняться этим. Желая попросить у моего отца некую небольшую сумму денег, я решил получить ее наиболее легким путем, адресовав ему эту просьбу в форме сонета. Напрягая мозги, я смог выдать четыре первых стиха:

Сонет

Передайте мне, прошу вас, о, мой отец,
Пятнадцать-двадцать су, если можете,
Тогда я возьму в руки мою гитару
И воспою хвалу деньгам.

Я собирался продолжить дальше, когда взрыв смеха, разразившийся позади меня, заставил меня резко повернуть голову, и я увидел Коломбо, читающего мой последний стих и повторяющего его тоном, каким слепые нищие гнусавят свои жалобы под аккомпанемент мандолины. Я заплакал от злости и три дня не осмеливался смотреть в лицо Коломбо, который, доведя поддразнивание до конца, не прекращал преследовать меня своей пантомимой; наконец, изводя меня довольно долгое время, он доказал мне свою дружбу, дав совет не стесняться, но стараться писать лучше. Я стал теперь читать и изучать наших лучших авторов, до того, что забывал пить и есть: Данте, Петрарка, Ариосто и Тассо стали моими наставниками; менее чем в шесть месяцев я знал наизусть весь «Ад» первого, самые прекрасные сонеты второго и самые замечательные куски двух других. После того, как я сложил и сжег более двух тысяч стихов, я получил, наконец, надежду на возможность состязаться с моими соучениками.

По случаю присвоения нашему ректору высшей степени, я прочел сонет. Я говорю здесь об этом только для того, чтобы дать представление о том прогрессе, который я совершил за эти шесть месяцев. Поскольку я работал втайне, все мои товарищи отказывались признать, что эти стихи мои. Только Коломбо поверил этому. Он дошел даже до того, что дал клятву не писать более по-итальянски, клятву, которую позднее его заставила нарушить юная и прекрасная особа, в которую мы оба оказались влюблены, и которой одновременно адресовали творения нашей музыки. Это всеобщее недоверие, стимулируя мое самолюбие, заставило меня удвоить усилия и принять решение посвятить себя единственно поэзии. Менее чем в два года я поглотил не только всех наших классических авторов, но все сколько-нибудь заслуживающие внимания творения; я их читал, я воспроизводил на латыни их самые замечательные страницы, я их переводил по несколько раз, комментировал, критиковал, тренируя этим свою память, и упражнялся во всех родах композиции, во всех ритмах, впитывая их самые прекрасные мысли и стараясь поднять мой стиль до их высот, словом, отождествляя себя, насколько это возможно, с этими неподражаемыми образцами, среди которых божественный Петрарка всегда занимал у меня особое положение, и у которого я, при каждом чтении и в каждом стихе, находил все новое очарование. Таким образом, упорной работой, по прошествии трех лет, я смог усовершенствоваться, и часто мои стихи вызывали триумфы. Кантата, представленная мною на конкурс, в числе других самых отличившихся молодых людей Ченеды, принесла мне самые большие поздравления; далекий от того, чтобы гордиться этими похвалами, я здраво отнес их не более чем к вежливости и ободрению, которое принято всегда давать молодости, я работал над тем, чтобы со временем их заслужить. Я избегнул, таким образом, подводных камней, о которые разбиваются обычно молодые таланты, которые полагают, что достигли апогея, в то время, как они едва должны были бы всерьез браться за учебу. Некоторые счастливые природные свойства, большая любовь к поэзии и весьма чистые принципы принесли бы мне, без сомнения, репутацию поэта, если бы моя несчастливая судьба не бросала меня все время, вопреки моим лучшим побуждениям, и не толкала беспрестанно под откос к самым жестоким жизненным испытаниям, вырывая из этого мира и его нежных укрытий, без которых человеческий ум не может достигнуть целей, которые он себе ставит.

II

Я завел, за счет большой экономии, маленькую коллекцию книг, которую предполагал увеличивать покупкой лучших итальянских авторов. У нас был в Ченедде старый букинист, который, несмотря на свою малую эрудицию, имел достаточно вкуса, чтобы собрать в своей лавке лучшие творения литературы, где я мог легко найти те, которых мне не хватало. Я выбрал там несколько «Эльзевиров», чья стоимость значительно превосходила содержимое моего бедного кошелька. Этот добрый старик придумал способ, который должен был уладить его дела и мои; у него был сын-сапожник, речь шла о том, чтобы поставлять ему кожу с фабрики моего отца и оплачивать таким образом мои счета у него. Способ пришелся мне по вкусу, я прибежал домой, проник украдкой в магазин, стащил там три кожи, связал их аккуратно в пакет и понес за спиной под одеждой, направившись к открытой двери наружу; я встретил там мою мачеху, болтавшую с соседками. Трепеща, что она заметит мою кражу, я сделал пируэт, чтобы ускользнуть в другую дверь, но, оказавшись на улице, не мог избежать того, чтобы пройти мимо этого женского конгресса. Едва сделав несколько шагов, я услышал, как одна из этих женщин громко сказала: – «Как жаль, что такой красивый молодой человек горбат!». Я сделал прыжок, чтобы проскочить стороной, но при этом резком движении мой пакет упал, к великой радости болтушек. Моя мачеха бросилась вперед, чтобы его схватить, в то время, как я, продолжив свой путь, бросился со всех ног к моему доброму букинисту, которому рассказал о своей неудаче. Я дал ему некоторый задаток, настойчиво попросив сохранить для меня несколько книг, которые я выбрал, на что он любезно согласился. Моя мачеха не замедлила доложить обо мне моему отцу; тот пришел назавтра в коллеж высказать мне свои упреки, так что я никак не мог его утихомирить и еще менее – добиться у него суммы, которая была мне нужна и которая не превышала дюжины пиастров. Однако дело обернулось к моей пользе; преподобный епископ вызвал меня к себе и потребовал от меня детальный рассказ, который выслушал со слезами на глазах, затем выдал мне сумму, достаточную, чтобы покрыть мой долг. Удовольствие, что я получил от своего приобретения, длилось недолго: ужасная болезнь, продолжавшаяся шесть месяцев, которая ввергла мою семью в тяжелую тревогу на мой счет, несколько домашних несчастий, которые постигли моего отца, и, под конец, смерть монсиньора да Понте, моего покровителя, не только лишили меня надежды продолжить мою учебу, но погрузили в бедность мою семью, которая находила в щедрости этого прелата защиту и помощь. Это был год потерь, я вынужден был лишиться большей части моих книг, как для поддержания в порядке моего гардероба, так и для моих ежедневных нужд. Это состояние нужды заставило меня отказаться от руки молодой девушки, которую я нежно любил, и выбрать путь, противный моим вкусам и моим занятиям, который привел к тысяче несчастий, которые воля и ненависть моих врагов использовали, чтобы угнетать меня в течение двадцати лет. Я обойду молчанием детали этого жестокого периода, чтобы перейти к тому моменту, когда фортуна, казалось, мне улыбнулась. Монсиньор Зиборги, уважаемый каноник кафедрального собора, захотел заменить благодетеля, которого мы оплакивали, и стать покровителем моих братьев и меня. Он облегчил нам поступление в одно из своих прекрасных заведений, которыми всегда гордилась Венеция. По его рекомендации я был принят, вместе с двумя из моих братьев, в семинарию Портогруаро, где смог продолжить свое обучение. Я прослушал курсы философии и математики, не теряя, однако, из виду моих дорогих муз, и, в то время как наш профессор силился объяснить нам Эвклида, Галилея и Ньютона, я тайком читал и учил наизусть то «Аминту» Тассо, то «Верного пастыря» Гуарини. К концу года я декламировал под единодушные аплодисменты кантату в честь Св. Луи; последние стихи особенно вызвали всеобщее одобрение. «Ревнивое небо лишило нас нашего благодетеля, как если бы эта звезда заставляла померкнуть небесный свод». Высокая оценка, данная этим стихам видным лицом, принесла мне кафедру риторики, которую Монсе-

ньор де Конкордиа вручил мне в тот же день. В течение некоторого времени моей навязчивой идеей было совершенствоваться в изучении древнееврейского языка, который я уже знал, и предаться древним грекам, понимая, что без их углубленного чтения нельзя стать поэтом. Я колебался принимать эту кафедру, но, поддавшись на уговоры моего ректора, который питал ко мне большую дружбу, и еще более надежде улучшить положение моего отца, я согласился; итак, в возрасте, когда я сам еще нуждался в учении, я принял на себя тяжелую ношу преподавать другим классическую литературу. Мне едва исполнилось двадцать два года; более тридцати молодых людей, исполненных рвения и чувства соперничества, недавно еще моих соучеников, были поручены моим заботам. Епископ не переставал поощрять мое самолюбие и мое усердие, весь город смотрел на меня, представляя себе мое постоянное напряжение. Я удвоил свои усилия, чтобы достойно выполнить обязанности, которые были на меня возложены, и то, что мои учителя не имели времени мне преподавать, я постигал сам, преподавая моим ученикам. Как говорил ученый раввин: Ulmissamidai rabadi miculam (*цитата на древнееврейском, -ешыво* *מכול רבדי מדי סה*, по смыслу – *все доброе накапливается* – прим. перев.). Мое ние на этой кафедре стоило мне враждебности двух или трех профессоров семинарии, которые стали моими ожесточенными гонителями. Согласно им, не имея углубленного знания ни математики, ни физики, мое образование было неполным, и я был не более чем поверхностный болтун, злой версификатор. Чтобы ответить на эту клевету, я составлял различные куски итальянской и латинской поэзии, на различные сюжеты, среди прочих – дифирамб в честь ароматов, и сделал так, чтобы они читались публично в конце года учениками моего класса; они заслужили всеобщее одобрение. Какое унижение для моих врагов видеть меня объектом восторга всего состава студентов, самых выдающихся ученых города и самого епископа! Их ненависть не знала границ. Наконец, после двух лет борьбы, терпения и самоотверженности, я счел ношу выше моих сил и подал в отставку; это привело к тому, что, плавая между тысячей различных проектов, моя несчастная звезда направила меня в Венецию.

III

В расцвете сил и в кипении страстей, наделенный приятной внешностью, увлекаемый дурными примерами, я предался всем соблазнам удовольствия и забросил полностью литературу и учебу. Я испытал могучую страсть к одной из самых прекрасных, но также и самых капризных сирен этой столицы; все мое время было отдано самым легкомысленным развлечениям. За исключением нескольких часов, оторванных от сна и посвященных чтению, я не удосужился, за те три года, что длилась эта связь, добавить что-либо к тому, что я уже знал. Единственный раз Провидение, как мне казалось, проявило ко мне сочувствие и дало шанс избежать опасности. Устав от ревности и капризов женщины, с которой я был связан, я имел, к счастью, привычку заканчивать мои вечера в кафе «Литераторов», месте, где собирались культурные люди Венеции. Находясь там как-то вечером во время карнавала, я вижу входящего гондольера, который, пробежав взглядом вокруг, с таинственным видом, сделал мне знак выйти и следовать за ним; он отвел меня на берег соседнего канала и провел на барку, привязанную напротив кафе; не сомневаясь совершенно, что он был направлен моей любовницей, которая часто приходила встречать меня на этом самом месте, я молча сел рядом с женщиной, которая там находилась. Ночь была темная, и, поскольку занавески гондолы были опущены, была полная темень. Обменявшись первыми словами, не узнав голоса подруги, я стал убежден, что наше положение, более чем двусмысленное, явилось результатом ошибки, но, отнюдь не желая закончить таким образом приключение, начало которого задело мое любопытство, я ошутил руку на своих губах, согласно итальянскому обычаю; эта рука была милая, и, почувствовав, что ее хотят отнять; я удержал ее нежно, давая понять самым уважительным образом о своем повиновении. Моя прекрасная незнакомка продолжила просить меня отодвинуться. Я сделал то, чего она хотела. Поняв по ее акценту, что она иностранка, я употребил все свое красноречие, чтобы она позволила мне, по крайней мере, проводить ее до ее жилища; она упорно отказывалась, и я должен был уступить, больше не настаивая. Единственная милость, что я добился, состояла в том, что она согласилась принять мороженое, за которым я отправил нашего гондольера. При свете фонаря, с которым он пришел, я увидел молодую женщину замечательной красоты и изысканности; ей могло быть восемнадцать лет, ее наряд был безупречно хорошего вкуса, манеры утонченные, и разговор обнаруживал тонкий и образованный ум. Восхищенный, я хранил молчание; но заметив, что мой вид произвел на нее благоприятное впечатление, я приободрился и ошутил еще более живое желание с ней познакомиться. Чувствительная к вниманию, которое я ей оказывал, она решилась, наконец, сказать мне, что странная ситуация, в которой она оказалась, дает ей право уклониться от моих вопросов, но что обстоятельства могут измениться, и что, возможно, мы сможем как-нибудь увидеться. Она дала мне слово, что в этом случае она изыщет способ; я ответил на ее доверие, назвав себя, и мы назначили место и время нашего будущего рандеву, после чего я оставил ее одну. Каждый вечер я с нетерпением приходил в кафе и каждый раз испытывал разочарование и новую пищу для страсти, которая, разгораясь от препятствий, нарастала с каждым днем и набирала тем более силы, что гнет, под которым я жил, становился невыносимым. Подавленный и разочарованный, я решил покинуть Венецию и предпринять путешествие, это великое средство для лечения сердечных ран – напрасная надежда; отсутствие только оживило мои воспоминания, и по истечении восьми дней борьбы с самим собой, более влюбленный, чем прежде, я возвратился в Венецию. Пусть объяснит, кто может, странности сердца! Поглощенный единым образом, я оказался достаточно легок, чтобы снова взвалить на себя ненавистное ярмо, от которого бежал, и принять предложение моей прежней любовницы поселиться у нее. Тем не менее, моей первой заботой было прийти в кафе и поинтересоваться, не приходило ли какое-либо послание в мой адрес. К моему большому огорчению, я узнал, что появлялся гондольер, и что ему

было сказано, что я в путешествии. Я решил, что мне следует оставить всякую надежду встретить когда-нибудь мою прекрасную незнакомку. Однажды, когда я прогуливался по площади Сен-Марк, я почувствовал, что меня дергают за полу моей одежды, и в то же время услышал, что произносят мое имя; это был гондольер, который отводил меня на мое первое свидание, и который, с радостью, написанной на лице, восклицал: «Какое счастье! Я тотчас скажу моей хозяйке! Этим же вечером». Затем он убежал, не слушая моего ответа; и действительно, вечером я увидел его поджидающим меня на том же месте, и последовал за ним. Едва я ступил ногой на ее гондолу: «Ну вот, – сказал мне голос, который заставил меня задрожать, – я сдержала свое слово»; и в то же мгновение она отдала приказ отвезти ее к себе. Я был препровожден в элегантные, но простые апартаменты; она усадила меня рядом с собой. «Прежде всего, – сказала она, – надо, чтобы вы, наконец, узнали, кто я и в силу каких обстоятельств я нахожусь в Венеции».

IV

«Я родилась в Неаполе; мое имя Матильда, я дочь и единственная наследница герцога де М... Мой отец, у которого было двое детей, когда он имел несчастье потерять мою мать, женился, после десяти лет вдовства, на девице низкого происхождения, которая не замедлила взять над ним необычайную власть; пользуясь слабостью его характера, она смогла то ли полностью погасить, то ли в значительной мере подавить в нем отцовские чувства. Ее первым распоряжением было заставить выехать в Венецию моего брата, который был помещен в коллеж, где умер менее чем в шесть месяцев. Что касается меня, которая ожидала тогда своего одиннадцатилетия, она добилась, чтобы меня поместили в монастырь в Пизе, где я прожила шесть лет, не пользуясь утешением увидеть моего отца, ни даже получать от него известия. Монахи постарались использовать все средства обольщения, чтобы убедить меня принять постриг, но я оказала им упорное сопротивление. Однажды утром, к моему большому удивлению, моя мачеха вошла в мою комнату; она прибыла накануне вместе с моим отцом, который, как говорила она, слишком устал от путешествия и побоялся переживаний, которые мой вид наверняка вызовет у него. Затем, изображая передо мной полнейшую материнскую любовь, она продолжила: «Я с удовольствием узнала, что вы не чувствуете никакой склонности к монастырской жизни; я решила вывести вас в свет. Ваш отец, который доверил мне ваше будущее, и который знает, что я не ценила бы вас сильнее, если бы вы даже были моей собственной дочерью, предложил вам замужество по моему выбору. Вы будете безусловно счастливы. Если вы пообещаете мне полностью подчиниться моей воле, вы завтра покинете эти стены, которые вам противны, если же нет!..» Я, которая испытывала ужас перед монастырем, и которая, после шести лет тюрьмы, сгорала от желания обнять моего отца, – едва я услышала эти слова, как, обвив ее руками, воскликнула: «Я соглашаюсь со всем, что вы мне прикажете». Она прижала меня к сердцу и, покрыв поцелуями, потребовала, чтобы я покинула этот дом тотчас же, не дожидаясь завтрашнего дня. Мы сразу направились в отель, где остановился мой отец; когда он увидел меня, лишь единственное восклицание вырвалось из его уст: – Моя дочь! – Ваша дочь, ваша послушная дочь! – ответила моя мачеха. Природа вступила в свои права, наша радость и наше счастье были безграничны. Не теряя времени мы выехали в Неаполь, где единственной заботой стали приготовления к свадьбе. Моя мачеха велела приготовить две комнаты, примыкающие к своим апартаментам; я там поселилась, однако я тут же заметила, что я являюсь там объектом строгого наблюдения; я не могла выйти без ее разрешения и мне было невозможно завязать какой-либо разговор вне ее присутствия. Однажды, когда я, погрузившись в свои размышления, была, как обычно, одна, она вдруг вошла и, отведя в свою комнату, дверь которой заперла за собой, достала из шкафа ларец с жемчугами и камнями. «Это кольцо, – сказала она, – первый подарок вашего будущего супруга; это лишь прелюдия к богатым украшениям, что ждут вас в его дворце, и которые достойны положения, которое вы должны занять при дворе. Постарайтесь не оказаться неблагодарной и будьте мне признательны за то, что я для вас делаю». Внезапно дверь распахнулась, и я увидела безобразного старика, сопровождаемого двумя священниками и многочисленной свитой из ливрейных лакеев и пажей. Мой отец следовал за ними, молчаливый, опустив голову.

«Вот ваш супруг, Матильда, – говорит мне моя мачеха и, повернувшись к старику, добавляет – Принц, вот супруга, которую вы получаете из моих рук, и лишь затем – из рук этих благочестивых священнослужителей». Я онемела. Принц бормотал некие слова, которых я не слышала; вернувшись к себе, охваченная горем и отчаянием, я испустила ужасный крик, я сорвала вуаль, которую укрепили мне на голову, и, отворив дверь в коридор, воскликнула вслед толпе голосом, прерываемым рыданиями: «Милости! Милости!», падая на колени перед моим отцом. В мгновение ока комната опустела. Этот акт неповиновения вызвал ярость этой ковар-

ной женщины. Оставшись наедине со мной и моим отцом, у которого не хватало энергии, чтобы меня защитить, моя мачеха с силой зазвонила в звонок. Прибежали два служителя и отволокли меня, скорее мертвую, чем живую, в коляску, где я потеряла сознание. Придя в себя, я оказалась в комнате, меблировка которой состояла из убогого ложа, стола и двух стульев; окна были забраны железными решетками и расположены так высоко, что невозможно было до них достать. Охваченная тысячей мыслей, остаток дня я провела в стонах и рыданиях. Ближе к вечеру послышался снаружи звук ключа, дверь отворилась, и я увидела вошедшую женщину отталкивающего вида и фигуры. Не произнося ни слова, она поставила на стол корзину и, внимательно меня оглядев, вышла. Открыв корзину, я нашла там кусок хлеба и графин воды. Так прошло пятнадцать дней, в течение которых я каждый раз видела эту женщину и получала ту же провизию. Я опасалась, что эта комната должна стать моей могилой, когда на пятнадцатую ночь, едва уснув, я проснулась от шума, производимого человеком, который вошел ко мне. Это была женщина, которая, проскользнув ко мне, сказала мне на ухо: «Не бойся ничего, я твоя кормилица». Я бросилась ей на шею; она позвала меня немедленно следовать за ней, что я и сделала; у двери дома мы нашли запряженную почтовую коляску и молодого человека в дорожном одеянии, держащего в руке пакет с завернутой в него мужской одеждой; моя кормилица сказала, что передает меня своему сыну, и что мое единственное спасение состоит в бегстве. Я быстро переделалась в одежды, которые они мне дали, и мы уехали. Проехав стрелой Рим и Флоренцию, мы остановились только в Падуе, где я и остановилась отдохнуть. Во время поездки мой спутник смог мне рассказать, как моя мачеха с помощью позорного торга, при котором она продала меня и огромное наследство, принадлежащее мне по завещанию моей матери и которое составляло мое приданое, получив от человека, который хотел на мне жениться, значительную сумму денег; как мой отец, полностью отстранившийся от этой отвратительной интриги, но обеспокоенный моей грустной ситуацией, обратился к моей кормилице, чтобы меня освободить, и как, наконец, чтобы облегчить ей выполнение этой задачи, он вручил ей кошелек золота и шкатулку с драгоценностями, которая мне и была передана. Я чувствовала себя как спасаемая при кораблекрушении и возблагодарила Провидение. Мы не знали, однако, что нам делать дальше; эти украшения могли нас выдать. Пребывание в Падуе не казалось мне надежным, мы решили переехать в Венецию, где обычай носить маску давал мне шанс оставаться неузнанной. Соответственно, я села на корабль, отправлявшийся из Падуи в Венецию. В первый день с нами было только три попутчика: две бедные женщины и молодой человек; по уважению, которое оказывали ему члены экипажа, я сочла, что он должен быть лицом знатным; у него был больной вид, и он воспользовался этим, чтобы держать постоянно на лице свой платок. Он мало разговаривал. По прошествии двух часов он догадался о том, что я женщина, и сказал мне об этом. Я покраснела, что подтвердило его догадку и сделало его менее осторожным; он проявил, однако, деликатность, разговаривая со мной таким образом, что никто не мог нас услышать. В невозможности помешать ему делать свои умозаключения, я могла, по крайней мере, просить его держать свои догадки при себе, пообещав, что тотчас по приезде в Венецию я попытаюсь удовлетворить его любопытство. Он поведал мне, что принадлежит к знатной фамилии Мочениго, одной из самых знаменитых в республике. Высадившись с корабля, он предложил мне свою руку, чтобы отыскать отель, и я, привлеченная изысканностью его манер, благородством речи, и не имея возможности обойтись без поддержки в этом иностранном городе, сочла возможным доверить ему частично мой секрет. Менее чем в восемь дней наши отношения изменились на более близкие. Это был обмен сердечными чувствами. Мы не были влюблены друг в друга, то, что мы испытывали друг к другу, было лишь живой симпатией. Он обладал умом и совершенным воспитанием. Мне казалось тем более неотложным воспользоваться его протекцией, что сын моей кормилицы поведал мне о своем желании вернуться в Гаэту, где он оставил жену и троих детей, которые не могли к нему приехать. Я покинула мой отель, чтобы обосноваться в этом доме, где я вас принимаю и где я

живу в совершенном уединении. Я чувствовала, однако, насколько мое положение ложно, и испытывала поэтому чувство грусти, причины которого не могли ускользнуть от Мочениго. Он предложил мне пожениться. Он мог на это пойти, говорил он, потому что был свободен и ни от кого не зависел. Его предложение меня тронуло, однако я попросила времени на размышление. Однажды он предстал передо мной в необычное время, попросив у меня одолжить ему сотню цехинов, которые он вернет мне завтра; я дала их ему. В последующие дни он продолжал свои визиты, не говоря мне ни слова. Как-то утром его слуга передал мне записку, в которой тот просил у меня такую же сумму. У меня было еще много денег; к тому же, в моей шкатулке находились большие ценности, я могла, не напрягаясь, удовлетворить его запросы, и я постаралась это сделать. Однако, эти два повторных займа стали порождать сомнения в моем уме. Этот несчастный молодой человек, должно быть, испытывал, как почти все нобли этой страны, роковую страсть к игре? Я осмелилась затронуть эту струну, я оказалась права. Он поведал мне даже, что во время этого карнавала он проиграл значительные суммы, которые не в состоянии вернуть; по правде, он обещал исправиться, но мне стало понятно, что эти обещания таковы же, как всех игроков. Мало помалу его визиты становились все более редкими и короткими; он был человек рассеянный и мечтатель; он находил все время предлог, чтобы уклониться от того, чтобы меня сопровождать, хотя знал прекрасно, что я никогда не выхожу одна; именно этому обстоятельству я обязана встречей с вами. Он должен был быть в кафе, где были вы в день нашей первой встречи; схожесть лиц, костюма, маски, что вы держали в руке, были причиной ошибки. Вы знаете остальное. Но вы не знаете, что с той поры, как я сделала это фатальное открытие, я разрываюсь между моим чувством к нему и тем, что мне диктует благоразумие; нарушение им своего слова лишило меня всяких колебаний. Не сомневаясь, что я встречу его в игорном доме, где он имеет привычку бывать, я направилась туда, чтобы убедиться в этом и заявить о своем решении прекратить всякие отношения между нами. То ли влюбленный в другую женщину, то ли поглощенный владеющей им страстью, он оказался нечувствителен ко всему тому, что не является ею, он не обнаружил никакого волнения и легко согласился с доводами, которые я привела в пользу того, чтобы нам прекратить встречаться. Позднее он покинул Венецию. С тех пор, верная обещанию, которое я вам дала, я пыталась вас найти. Узнав о вашем отъезде, я начала уже терять всякую надежду, когда судьба нас вдруг вновь свела. Итак, вот что я вам предлагаю. Если ваше сердце свободно, что в вашем возрасте бывает редко, если вы чувствуете смелость забыть и переменить свою родину, я предлагаю вам свою руку и свою судьбу, которую я считаю весьма высокой, чтобы заверить вас в значительном положении, которое вы сможете занять в той части света, которую изберете. Неважно, какое это будет место, поскольку я буду там пользоваться свободой и буду счастлива с вами».

V

Как ни соблазнительным мне показалось это предложение, оно было слишком неожиданным, чтобы принять его немедленно. Я попросил три дня, которые мне были предоставлены, без того, чтобы она показалась мне обиженной этой отсрочкой. Единственно, она посмотрела на меня грустно и как бы под гнетом дурного предчувствия. Я провел два часа с ней; вернувшись к себе, я встретил ужасную сцену ревности, в продолжение которой я ушел в свою комнату и лег в кровать. Но внутренняя борьба, которая обуревала мной, лишила меня сна весь остаток ночи. Я сравнивал между собой двух женщин, которые оспаривали мою судьбу. Одна, живая, веселая, не имеющая никакого образования, была наделена природным умом, который очаровывал всех, кто к ней приближался. Блондинка, небольшая, сложения хрупкого и деликатного, она обладала темпераментом, доходящим до неистовства. Вспыльчивая, деспотичная, она обладала моралью, вполне контрастной ее физическому облику. Другая, крупная, благородная, импозантная, с волосами и глазами эбенового дерева, под внешне властным видом скрывала нежность ребенка и чистоту ангела. Ею нельзя было не любоваться. К тому же, чем никак нельзя было пренебречь, она предлагала мне судьбу превыше всего того, о чем я мог мечтать. Если, в силу привычки, мое сердце склонялось в пользу первой, разум советовал выбрать ту, которая, я полагал, должна была обеспечить мое счастье.

Вот почему всю ночь и последующие я не переставал плавать в нерешительности, когда новая сцена, еще более сильная, чем первая, заставила меня решиться. Я попросил у Матильды три дня, пошел уже восьмой, а я все еще не давал ей определенного ответа. Я, между тем, не переставал с ней видаться, и даже по нескольку раз, каждый день. Однажды вечером, когда я оставался с ней позднее, чем обычно, она сказала мне: «Завтра, либо мы покинем Венецию, либо я уйду в монастырь». Я попросил у нее срока еще до завтра, поклявшись, что это будет последняя отсрочка и наша участь будет решена. Вернувшись к себе, я нашел разверзшийся ад. Моя фурия, со стилетом в руке, ждала меня за дверью. Не зная, предназначено было это оружие против нее или против меня, я вырвал его из ее рук и холодно прошел в свою комнату, куда она хотела за мной последовать, но я ее вытолкал. Оставшись один, я покинул дом и устремился к Матильде, решившись на этот раз предложить ей бежать либо в Лондон, либо в Женеву. Еще не было и двух часов пополудни. Я стучал безуспешно в ее дверь, наконец, старая женщина, которая пришла мне ее отворить, вся в слезах, рассказала, что несколько минут спустя после того, как я ее покинул, к ней явились сбирь инквизиции, вручив ей ордер следовать за ними, и силой усадили ее в гондолу. Я был в ужасе. Тайна, с которой этот адский трибунал проводил свои деспотические и варварские решения, и ужас, который он наводил, особенно в Венеции, убеждали меня в невозможности не только оказать ей какую-либо помощь, но и когда-либо узнать о ее судьбе. Я обвинял себя в этом несчастье, и эта мысль добавляла мне горя и угрызений. Следовало, однако, отступить и ограничиться слезами в этом несчастье. В действительности, в течение двенадцати лет я не слышал более разговоров о Матильде. Только шевалье Фоскарини, посол Республики при дворе Вены, на мой рассказ об этом происшествии поведал мне, что эта несчастная девушка по подстрекательству своей гонительницы была заключена в монастырь Новообращенных. Он узнал о ней и ему повезло помочь ей выйти оттуда после шести лет заточения и вернуть ее отцу, которого смерть этой женщины освободила от ее посягательств.

Итак, я остался скованным в своих первоначальных цепях, которые по истечении двух смертельных лет стали более, чем всегда, тяжелыми и невыносимыми. Женщина, под властью которой я жил, пребывала под властью своих сильных страстей и, в частности, страсти к игре; ее брат, личность бесчестная, исполненная спеси и, что хуже всего, полностью подчиненная своим желаниям, был почти всегда причиной наших споров. Я пытался руководить им,

иногда снисходительно, чаще – с отвращением. Мало помалу, я тоже стал игроком. Не будучи богатыми, ни они, ни я, мы вскоре исчерпали наши деньги, начали делать долги, закладывая вещи, потом – их продавать.

В это время в Венеции существовал известный игорный дом под названием «Ридотто», в котором знатные богачи имели исключительную привилегию терять свои деньги, так же как и знатные бедняки – на самых жестоких условиях займов, которые предоставлялись им, по обращении к Абраму. Мы проводили там все ночи, и почти всегда, возвращаясь к себе, мы проклинали игру и тех, кто ей подвержен.

VI

Этот дом был открыт только во время карнавала. Мы бывали там вплоть до последнего дня, и у нас не было ни денег, ни способа их добыть. Охваченные этой пагубной страстью и поддерживаемые надеждой, этим фатальным миражом игроков, мы закладывали или продавали свои последние вещи, что у нас еще оставались. Собрав таким образом десятку цехинов, мы отправились как-то в Ридотто; там во мгновение ока все было потеряно; можно представить себе наше настроение, когда, оглядывая канал, мы искали себе гондолу; гондольер меня знал, я несколько раз с ним обходился довольно щедро. Видя нас грустными и молчаливыми, этот человек кое о чем догадался и спросил у меня, не нужны ли мне деньги. Приняв вопрос за шутку и ответив в том же тоне, я сказал ему: «Да, пятьдесят цехинов мне бы не помешали». Он посмотрел на меня с улыбкой и, не сказав ни слова, направил свою барку к земле и, соскочив легко на набережную, попросил нас подождать несколько минут; когда он вернулся, он сунул мне в руку пятьдесят цехинов, прошептав сквозь зубы: «Держите и знайте гондольеров Венеции». Я был поражен. Но при виде этих денег мое искушение было столь велико, что не позволило мне никакого из размышлений, которые внушила бы мне без сомнения деликатность в любом другом случае. Броситься в Ридотто, войти в первый же салон, подойти к банкёру и поставить половину суммы на карту было моим единственным порывом. Я выиграл и сделал пароли; я продолжил и играл со счастьем столь постоянным, что менее чем в полчаса у меня руки были полны золота. Тогда, увлекая мою компаньонку к лестнице, я слетел вниз по ступенькам, чтобы отдать моему бравому гондольеру сумму, что он одолжил, к которой я добавил значительную благодарность. Я велел отвезти нас домой. Едва я опустошил мои карманы и высыпал золото на стол, как постучали в дверь: это был ее брат. При виде этого богатства, испустив крик радости, он бросился к нему и, наполнив своими доблестными руками доверху карманы, задал вопрос: «Вы все это добыли в игре?». На мой утвердительный ответ он воскликнул: «Ну что ж, подайте руку моей сестре и следуйте за мной. Я поставлю все это на банк, и вы увидите результат». Сопротивление было бесполезно; я сдался, ворча, и мы последовали за ним. Он сидел и стучал картами; нас вскоре окружили игроки. Было уже полночь; все прочие банкёры ушли. Играли с исступлением. Две первые тальи были ему благоприятны; все золото со стола скопилось перед ним. Мы не осмеливались обратиться к нему ни словом, но делали всевозможные знаки, чтобы заставить остановиться. Они были бесполезны, он упорствовал, начал третью талью, которую не успел довести до конца; едва протекла половина игры, шансы изменились, и все исчезло. Сложив карты с великолепным апломбом и завладев рукой своей сестры, он пожелал мне доброй ночи. Невозможно передать, что со мной приключилось; я удалился в соседнее помещение, называемое несчастливцами игроками и отвергнутыми любовниками комнатой вздохов. Они могли там без помех отдаться своему дурному настроению. Осажденный тысячей покаyjnych размышлений, я кончил тем, что там задремал, и проснулся только ясным днем; зала была почти пуста. Рядом со мной находился человек в маске, ожидая моего пробуждения; он попросил у меня немного мелочи. Пошарив безуспешно в моем кошельке, я машинально сунул руку в карман одежды. Каково было мое радостное удивление, когда я нашел там горсть цехинов, которые, в пылу моего вчерашнего счастья, я забыл, и которые ускользнули от алчности моего благородного грабителя! Я дал этому человеку цехин, который он сразу схватил, затем, смотря мне в лицо, добавил: «С условием, что я отдам его вам у меня». Говоря так, он взял игральную карту и написал на ее изнанке свой адрес и, передав ее мне, сказал, что я не пожелаю, нанеся ему визит. Мой разум был занят моей находкой, и, еще более, благом, которое я сейчас принесу в наше существование, я положил карту в карман, не обращая на нее внимания, и пошел, лучше сказать – побежал домой. Моя подруга ждала меня у окна; она сделала мне знак не шуметь; она спустилась, открыла дверь и, не дав мне произнести ни слова, сказала:

«Ступайте в соседнее кафе и приходите, только когда я вас позову». Сказав это, она отошла от окна; я повиновался и, спустя два часа, появился слуга и дал мне знак следовать за ним. Он провел меня в мало посещаемый проулок, упирающийся в канал, в конце которого я должен был ее найти. Мы сели в гондолу; в ней она разразилась рыданиями.

– Если вы плачете от потери ваших денег, – сказал я ей, – утешьтесь.

– Нет, – ответила мне она, – я плачу о своей судьбе и о дурном поведении моего брата, который решительно хочет выгнать вас из дома. Мерзавец говорит мне, что, поскольку от вас нечего больше ждать, так как он полностью вас выпотрошил, бесполезно терять мое время; он предложил мне, чтобы вас заменить, богатого выскочку, вашего заклятого врага.

Убежденный, что это я являюсь причиной ее слез, и желая их осушить, я швырнул ей на колени сотню цехинов; улыбка вернулась на ее уста, и ее хорошее настроение возросло пропорционально величине суммы. Я рассказал ей про эпизод с маской в Ридотто, и мы начали обсуждать образ наших действий с ее братом. Поскольку золото единственно имело магическую власть производить впечатление на этого скота, нам пришла в голову идея внушить ему, что я обладаю искусством создавать этот металл, – дело, которое было легко исполнить. Эта невинная шутка могла позднее стоить мне жизни. Его сестра подсказала мне, что в этот момент он находится в Ридотто, откуда не собирается выходить. Я направился туда к нему; он посмотрел на меня, не приветствуя, как если бы я был незнакомец. Я вступил в игру горстью золота, которая в несколько минут умножилась с необычайным везением и произвела волшебный эффект; человек, который не удосуживался узнать меня в начале вечера, начиная с этого момента вдруг стал утопать в изъявлениях вежливости и разного сорта ласк. Он унизился до того, что попросил одолжить у меня десяток цехинов. Я дал ему двадцать, с которыми он получил шанс занять двадцать других. Он захотел мне вернуть эту сумму, которую я убедил его сохранить, как приносящую ему удачу, что и действительно случилось. Мы вышли вместе; он более не владел собой. Дорогой он попросил у меня прощения за то, что произошло накануне, и извинился за то, что потерял огромную сумму, что выманил у меня, дойдя в своей наглости до того, что назвал ее займом и заверил меня, что намерен отдать ее с первых же своих выигрышей. Я поблагодарил его за это намерение, сказав, что эта потеря должна рассматриваться лишь как несчастный случай, я избавил его от нее, я дошел даже до того, что пообещал ему, что если он согласится быть благоразумным и пообещает не задавать мне никаких вопросов, я буду счастливым время от времени предоставлять мой кошелек в его распоряжение. Он сжал меня в своих объятиях, уверяя, что никогда не проявит нескромности, выпрашивая мои секреты, каковы бы они не были; затем он попросил подождать его по пути в книжной лавке и побежал рассказывать сестре чудеса на мой счет; в то же время он распорядился снова поселить меня в апартаментах, что я у него занимал, и которые он заставлял было меня покинуть. Несколько недель мы жили в самой полной гармонии. Наша удача в игре была постоянна и позволяла нам удовлетворять наши вкусы в тратах. Но я не мог обойти молчанием эпизод, который, будучи еще более необычным, чем может показаться, был столь же правдив, как и те события, что случились со мной, и о которых я еще расскажу.

VII

В первое воскресенье поста, шаря в карманах, чтобы навести порядок в моих бумагах, я наткнулся на карту, что дал мне человек в маске в Ридотто. Отдохновение разума, которым я наслаждался в этот момент, позволило мне удовлетворить возникшее чувство любопытства. Я решился продолжить авантюру и подался по указанному адресу. Вид окрестностей не показался мне обещающим больших сложностей в завершении дела. Я постучался несколько раз в дверь без ответа, наконец, дверь отворилась с помощью веревки, протянутой сверху лестницы. Я поднялся, не встретив ни слуги, ни провожатого, и, оказавшись перед дверью комнаты, вошел туда. Она была пуста; на шум, что я произвел, из соседнего помещения вошел старик, черты которого не показались мне совсем незнакомыми. Он был одет с приличной простотой, лицо почтенное, черты тонкие, голос проникал до души, внушая большую симпатию. Он приветствовал меня церемонно, взял за руку и ввел в кабинет, который служил ему библиотекой, предложив сесть.

– Я благодарю вас, добрый молодой человек, за ваш визит, – сказал он мне, – не от меня зависит, если он окажется для вас не полезен.

Я собрался ответить, но он не дал мне времени, попросив выслушать его, не прерывая, затем продолжил:

– Я очень стар, вы видите; мне более семидесяти восьми лет; по законам природы мне осталось мало жить, но, прежде чем покинуть этот мир, я хотел бы загладить один грех, что лежит на мне. Я остановил свой взгляд на вас, чтобы вы помогли мне достичь этой цели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.